



МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

Н. И. ЛЕБЕДЕВА и Г. С. МАСЛОВА

РУССКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОДЕЖДА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА КАК МАТЕРИАЛ К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДА

(По данным Русского историко-этнографического атласа)*

Картографирование русской крестьянской одежды XIX — начала XX в., проведенное в связи с подготовкой к изданию Русского историко-этнографического атласа, позволило собрать богатый материал для изучения вопросов этнической истории русского народа. В рассматриваемый период крестьянская одежда, претерпевая изменения, связанные с развитием капитализма, продолжала в той или иной степени сохранять традиционные черты, уходящие своими корнями в глубь веков.

Пользуясь ретроспективным методом, мы, при изучении конкретных типов одежды, на основании сложного анализа взаимосвязанных явлений пытаемся выявить время возникновения тех или иных ее элементов. Первая датировка определяется в процессе полевой работы, причем этнограф часто имеет возможность проследить изменения в одежде на примере трех поколений, т. е. приблизительно на протяжении последних ста лет. При дальнейшем исследовании необходимо привлечение исторических документов, археологического материала, литературных, диалектологических и других источников.

Огромное значение для этнографа имеет изучение территориального размещения тех или иных явлений материальной культуры. Выявление территории распространения типов одежды и ее отдельных частей в определенную историческую эпоху и сравнение с подобной одеждой других народов, в тесном общении с которыми происходило формирование данного народа, дают возможность в той или иной мере установить время распространения тех или иных типов и частей одежды. Одновременно это позволяет проследить этнические взаимовлияния и в какой-то степени осветить некоторые вопросы формирования народа.

В разделе Атласа¹, посвященном одежде, представлены два последовательных периода: середина — вторая половина XIX в. и конец XIX —

* Доклад на этнографическом совещании, происходившем в мае 1956 г. в Ленинграде.

¹ Атлас подготовлен Славяно-русским сектором Института этнографии Академии наук СССР, сотрудники которого провели картографирование различных сторон материальной культуры русского народа. В сборе материала и картографировании одежды, кроме авторов настоящей статьи, принимали участие М. Н. Шмелева и В. А. Горелов. Составлено более 35 карт по различным видам народной одежды (в данной работе публикуются три схематические карты). В оформлении карт принимала участие Н. А. Дворникова; рисунки выполнены художником Н. А. Юсовым по образцам, собранным в экспедициях Института этнографии, и по экспонатам Гос. исторического музея, Гос. музея этнографии народов СССР и др.

начало XX в. Источниками для составления карт послужили: этнографическая литература (начиная с первой половины XIX в.), местные архивные материалы (архив Рязанского краеведческого общества и др.), этнографические фонды Русского географического общества (в частности, ответы с мест на рассылавшиеся в 1848 и 1917 гг. анкеты), коллекции Государственного музея этнографии народов СССР. Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР, Государственного исторического музея, местных краеведческих областных и районных музеев и, наконец, полевые материалы, доставленные экспедициями Института этнографии, специально организованными для сбора сведений в связи с составлением Атласа.

Картографирование позволило выявить изменения в одежде русского крестьянского населения в указанные два периода, в частности — проследить вытеснение одних типов одежды другими, сужение или расширение территории их бытования в связи с отмиранием одних форм и зарождением и распространением других.

Работа над Атласом дала возможность уточнить и обобщить многие известные ранее сведения. Материал, представленный в Атласе, открывает большие возможности для новых выводов.

* * *

В середине — второй половине XIX в. черты русской традиционной одежды более всего сохранял крестьянский костюм. Различия в одежде разных классов общества особенно усилились с начала XVIII в. Господствующие классы переходят к ношению одежды западноевропейского образца. Петр I издал указы об обязательном для всех, кроме духовенства и крестьян, ношении венгерского, затем немецкого платья; была выработана и особая военная форма. Каждому «чину» полагалась своя одежда, как об этом писал в своем труде И. Т. Посошков, «чтобы всякий чин свое определение имел, посадские люди и все купечество собственное свое платье носили, чтобы оно ничем ни военному, ни приказному люду согласно не было»².

В костюмах мещан и купечества долго сохранялись черты, общие с крестьянской одеждой. В середине XIX в. «русский наряд» — сарафан и кокошник — носили во многих городах. Тем не менее еще в период крепостного права начались изменения традиционных форм крестьянской одежды, и прежде всего мужского костюма. В этом отношении важное значение имело отходничество, — известно, что большой процент крестьян в черноземных губерниях состоял на оброке, а в нечерноземной полосе оброчных крестьян числилось более половины всего сельского населения.

После реформы 1861 г. процесс изменения традиционных форм одежды получил повсеместное распространение. Резкие изменения, происшедшие в крестьянском быту начиная со второй половины XIX в. и отразившиеся в одежде, явились результатом усиления отходничества, расширения промыслов, интенсивного развития фабрично-заводской промышленности, вовлечения крестьян в сферу товарно-денежных отношений. В это время широко распространяется замена дмотканых материалов фабричными, используются хотя бы для отдельных частей традиционной одежды. В то же время возникают иные по покрою, материалу и украшениям виды одежды, соответствующие городским модам, или различные местные полугородские формы.

В конце XIX — начале XX в. новые формы одежды становятся преобладающими, особенно в центрально-промышленных областях, вокруг Москвы, Петербурга, на Урале, на юге. Однако во многих районах севера и средней полосы еще продолжала сохраняться традиционная одежда.

² И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве (1-е изд. СПб., 1724), М., 1951, стр. 128.

Новые виды одежды приносили в деревню прежде всего те, кто уходил на фабрики и заводы в города. Отходничество же на сельскохозяйственные работы не оказывало сильного влияния на изменение одежды и даже, более того, — нередко содействовало еще большей ее консервации. Так было, например, в с. Роговатое Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Мужчины из этого села обычно нанимались пастухами (овчарами) на Кавказ и приносили оттуда много шерсти, полученной за работу. Это способствовало сохранению там традиционной одежды из домотканины.

Принято считать, что в XIX — начале XX в. из домотканины шили одежду бедняки, а богатые покупали фабричные ткани. Однако такой взгляд не вполне соответствует действительности, в чем убеждают следующие примеры. В Псковской губернии, где был широко развит сбыт льна-волокну, считалось более выгодным продавать его, а для себя покупать ситец. Однодворцы южновеликорусских областей, которые жили гораздо зажиточнее своих соседей — бывших помещичьих крестьян, тем не менее долго сохраняли домотканную традиционную одежду, имея для этого большие запасы сырья.

Степень проникновения и распространения новых видов одежды зависела от развития товарно-денежных отношений в деревне, — феодально-крепостнические пережитки препятствовали этому. С интенсивным развитием денежных отношений не только сельская буржуазия, но и пролетаризовавшаяся часть деревни пользовалась большей частью фабричными тканями. Таким образом, изменения в одежде происходили с наибольшей интенсивностью, повидимому, у двух крайних групп крестьянства.

Традиционная одежда, вытесняемая поздним городским костюмом из фабричной ткани, может быть сведена к трем основным комплексам (рис. 1 и 2): 1) с сарафаном, 2) с андараком и 3) с поневой³. Как правило, сначала поневу заменяли сарафаном, а затем сарафан — юбкой с кофтой или же платьем (так было, например, во многих местах Московской, Владимирской, на севере Рязанской и в других губерниях).

Распространение основных комплексов одежды мы попытались сопоставить с картой, составленной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским по данным 1897 г.⁴, показывающей интенсивность торгово-промышленной деятельности в России. Это сопоставление наглядно подтвердило связь между изменением форм одежды и развитием товарно-денежных отношений: там, где развилась напряженная «торгово-промышленная деятельность», распространился поздний городской комплекс одежды; где она была слабее, — бытовал комплекс с сарафаном, а где она отсутствовала — комплекс с поневой и лишь частично с сарафаном.

Исключив поздний комплекс, хорошо датируемый XIX (частью XVIII) веком, рассмотрим основные традиционные типы одежды.

Область распространения сарафана в середине XIX в. была значительно шире области распространения поневы (см. карту 1). Хотя кое-где сарафан уже заменяли городской одеждой, все же наблюдалась тенденция к его распространению на юг. Кроме того, если одни виды сарафана исчезали, распространялись другие, наиболее поздние его типы (прямой на лямках и с лифом).

Этнографические и исторические материалы указывают, что сарафан в XV—XVII вв. становится общерусской одеждой, бытуя у разных классов общества допетровской Руси. Наиболее раннее упоминание термина «сарафан», как известно, датируется XIV веком. Это не исключает того, что одежда типа сарафана у отдельных групп населения могла возникнуть и раньше.

³ Когда мы говорим о комплексе одежды с сарафаном, поневой и пр., то имеем в виду ряд составных его частей, более или менее связанных друг с другом и бытовавших вместе, хотя не обязательно возникших одновременно.

⁴ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Город и деревня Европейской России, СПб., 1910, стр. 61.



Рис. 1. Женский традиционный костюм XIX — начала XX в., комплекс с сарафаном; слева — городской, из Ржева; справа — крестьянский, из с. Белое Бежецкого уезда Тверской губ.



Рис. 2. Женский традиционный костюм XIX — начала XX в.: слева — комплекс с полосатой юбкой, Курская губ.; справа комплекс с поневою из с. Высокое Михайловского уезда Рязанской губ.

Анализ материала позволяет утверждать, что сарафан в качестве основной одежды раньше всего распространился на северо-западе — на территории древней Новгородской земли, где этнографические данные не отмечают даже следов поневы или близкой к ней набедренной одежды. Здесь распространился наиболее старый тип сарафана — глухого шерстяного («шушун», «сушпан», «сукман»), по названию, покрою и материалу генетически связанный с древней туникообразной одеждой славян. Подобный тип глухого сарафана был известен и на юге, но не получил там широкого распространения.

Второй тип — косоклинный сарафан, распашной или со швом и пуговицами спереди, — генетически связывается с верхней распашной одеждой; центр его распространения тяготеет к северо-восточной Руси. Именно этого типа одежда распространилась под названием «сарафан», которое стало нарицательным для всех его видов. Возникновение и распространение третьего типа сарафана — прямого на лямках — приурочивается к Москве. Четвертый тип, наиболее поздний, по своему происхождению связан, повидимому, с белорусско-украинской одеждой (саяном, андаракком), с которой он сходен по покрою. В середине XIX в. этот тип сарафана бытовал только кое-где в западных русских губерниях, а в конце XIX — начале XX в. распространился также в центральных и северных областях.

Сарафан служил основной женской одеждой в Среднем Поволжье, а также в Приуралье, наиболее интенсивное заселение которого происходило в конце XV—XVII в., и в Сибири, где старожильческое население сформировалось примерно в это же время. Сарафан был известен и у однодворцев — в прошлом военно-служилого населения, водворенного на «засечных чертах» для охраны государственной границы в XVI—XVII вв. Сарафан носили также повсюду старообрядки, которые, скрываясь от преследований, расселялись в Сибири, на Украине, в Прибалтике, Поволжье и других областях России. Они с XVII в. сохраняли сарафан в качестве основной и обрядовой одежды. Таким образом, можно полагать, что распространение комплекса с сарафаном происходило именно в период сложения и развития Российского централизованного государства, когда формировался и общерусский национальный костюм.

Отсутствие сарафана у белорусок и украинок свидетельствует о том, что он распространился в период обособления великорусов от других восточнославянских народов. За несколько веков существования сарафан, как и весь связанный с ним комплекс одежды, непрерывно изменялся по покрою и материалу. Происходили изменения и в территории его распространения, а также в связанной с ним терминологии. Изменялась и социальная среда, в которой он бытовал.

Комплекс с полосатой шерстяной домотканной юбкой — андаракком не имел значительного распространения и бытовал лишь у немногих групп. Прежде всего он отмечен в южных губерниях (см. карту 1), у однодворцев, в частности — у населения второй засечной черты, сформировавшегося в XVI в. Этот факт помогает датировать появление данного комплекса. Известно, что полосатая юбка, не характерная для русских, широко известна у белорусов, части украинцев, в Прибалтике, у поляков и многих других народов Западной Европы. На юг она была принесена, видимо, выходцами из-за литовского рубежа, частично входившими в состав военно-служилого населения, что известно из исторических документов.

Другой район распространения андарака — Смоленщина. Однако комплекс с андаракком здесь не был исконным; он как бы наплаивался на комплекс с поневой, а в ряде уездов, особенно восточных, сохранялась понева. Эта территория, главным образом западная ее часть, входила в состав Литовского княжества, а затем Польского государства, и наличие здесь комплекса с андаракком можно объяснить усилением белорусско-польско-литовских связей, особенно в XVI—XVII вв.

Ношение шерстяной полосатой юбки на юго-востоке, в Нижнем Поволжье, на Кубани, по нашему мнению, связано с переселениями (сравнительно поздними) украинских групп, вошедших и в состав казачества.

Комплекс с поневой — наиболее древний. Термин «понева» упоминается в летописи XI в. О большой древности этого типа одежды свидетельствует и общность ее у славянских народов. Обряды, сопровождавшие первое надевание поневы, как доказано исследователями, были связаны с совершеннолетием девушки, что являлось отголоском древнего возрастного деления общества. В комплекс с поневой входят и наиболее архаические головные уборы, по форме подражающие рогам животных, птицам и пр., связанные с дохристианскими представлениями.

Понева, никогда не игравшая заметной роли в costume господствующих классов, в XIX в. была только крестьянской одеждой в южно-великорусских губерниях. Территория распространения поневы в XIX в. заметно сокращалась. Если в XVIII в. понева была известна во Владимирской и Московской губерниях, в конце XIX в. ее уже не было ни там, ни даже южнее — на севере Рязанской и в Калужской губернии. В рассматриваемый период понева была по существу отмирающей формой одежды, хотя местами ее стойко придерживались вплоть до Октябрьской революции, а частично она сохранилась до настоящего времени.

Комплекс с поневой не был «ведущим» и в период формирования Российского централизованного государства. Расселявшиеся по огромной территории группы русских несли с собой, как показано выше, главным образом сарафан. Надо полагать, что комплекс с поневой был «ведущим» гораздо раньше, в период формирования древнерусской народности, поскольку аналогичные виды одежды были известны с древности всем трем восточнославянским народам.

Заемствование поневы ассимилированными финскими группами (в частности, в бассейне Оки) позволяет предполагать, что эта одежда являлась основной в период наиболее интенсивных славяно-финских взаимоотношений в бассейне Оки — в X—XIII вв.

В комплексе с поневой выделяются два типа: 1) в бассейне Оки (наиболее обширном районе ее бытования) носили синюю клетчатую глухую или распашную поневу; 2) в бассейне верхнего Днепра, Десны и Сейма была распространена понева типа плахты. Это районы древнейшего обитания восточнославянских племен. Вполне вероятно, что граница бытования двух типов поневы, проходящая, примерно, по Десне, совпадала с границей расселения древних вятичей и северян. Вопрос о том, почему здесь так стойко до XX в. сохранялись древнейшие типы одежды, требует специального исследования. Возможно, что консервации древнего бытового уклада способствовали известная изолированность этих областей в период феодальной раздробленности (хотя полностью экономические и культурные связи с более северными областями никогда не прекращались), господство с середины XVII в. барщинной системы хозяйства, а в пореформенный период — сохранение феодально-крепостнических пережитков.

Существенную часть каждого комплекса русской одежды составляла рубаха. В комплекс с сарафаном входила рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку. Она имела несколько разновидностей. В комплексе с андараком бытовала та же рубаха, но обязательно с отложным воротником, как это характерно и для белорусов. В комплекс с поневой обычно входила рубаха с косыми поликами, но понева-плахта более связана с рубахой с прямыми поликами, пришитыми по основе, как в украинской сорочке.

Картографирование женских головных уборов позволило установить связь их с определенными комплексами одежды и выявить этнографические области их распространения. Одним из древнейших был полотенча-

тый женский головной убор (рис. 3, 1)⁵. Бытование полотенца в качестве основного головного убора в XIX—XX вв. на Смоленщине и в западных частях Орловской губернии (см. карту 2), при наличии других элементов одежды, общих с белорусами и украинцами, указывает на общность населения этой территории с древними группами, вошедшими в состав и русских, и украинцев, и белорусов.

Общерусскими были кичкообразные головные уборы (рис. 3, 2), состоящие из нескольких частей: нижней, твердой — кички; верхней, мягкой — сороки, позатыльника и пр. На карте 2 видно, что они были менее

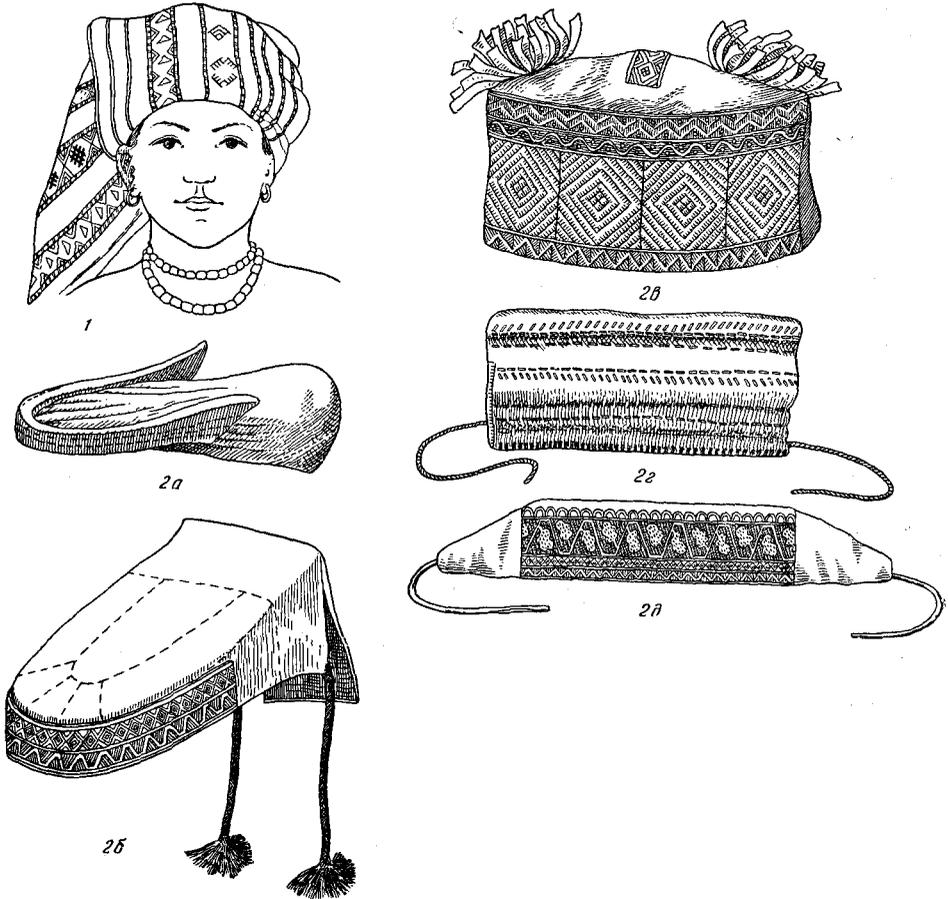
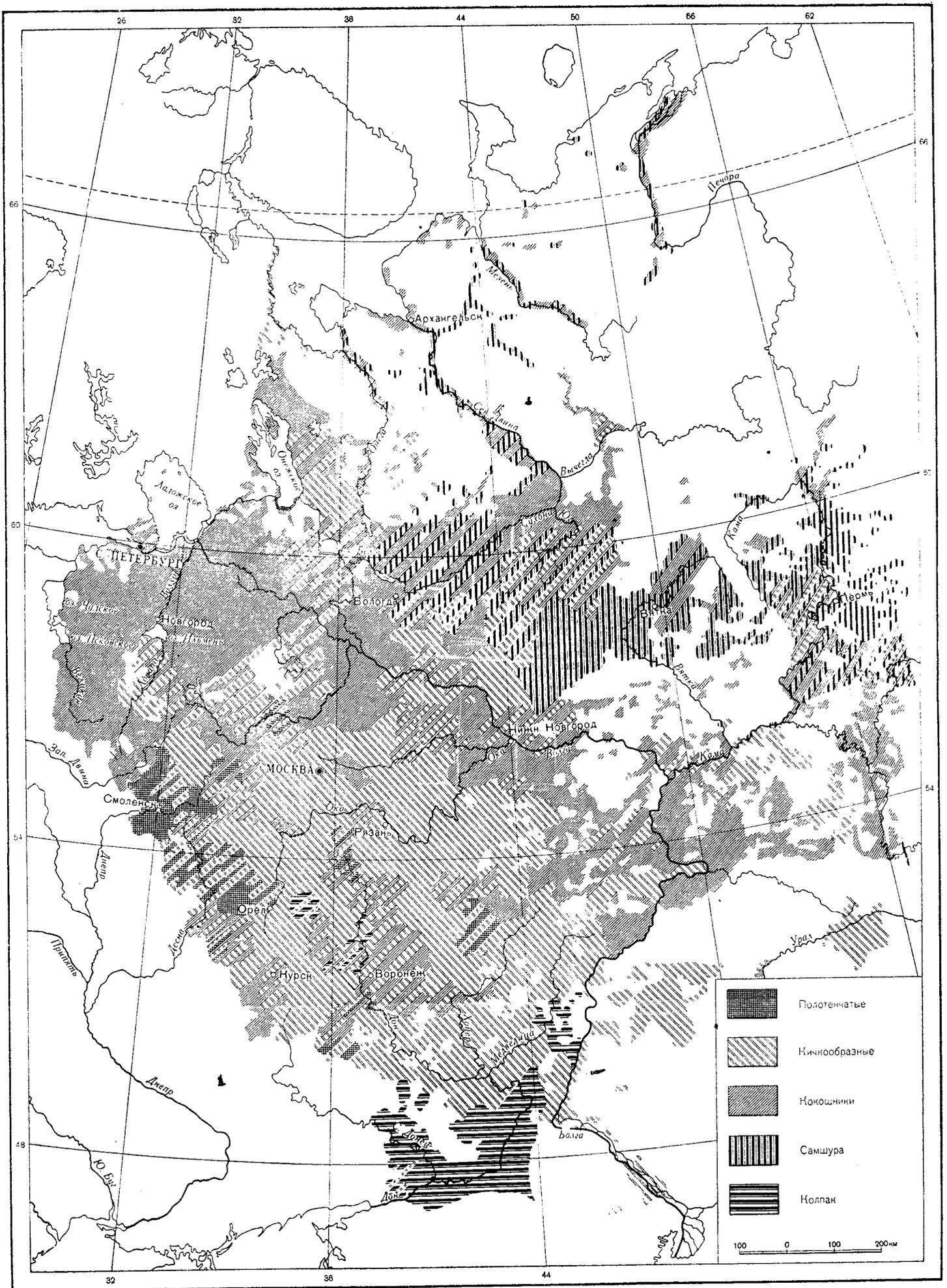


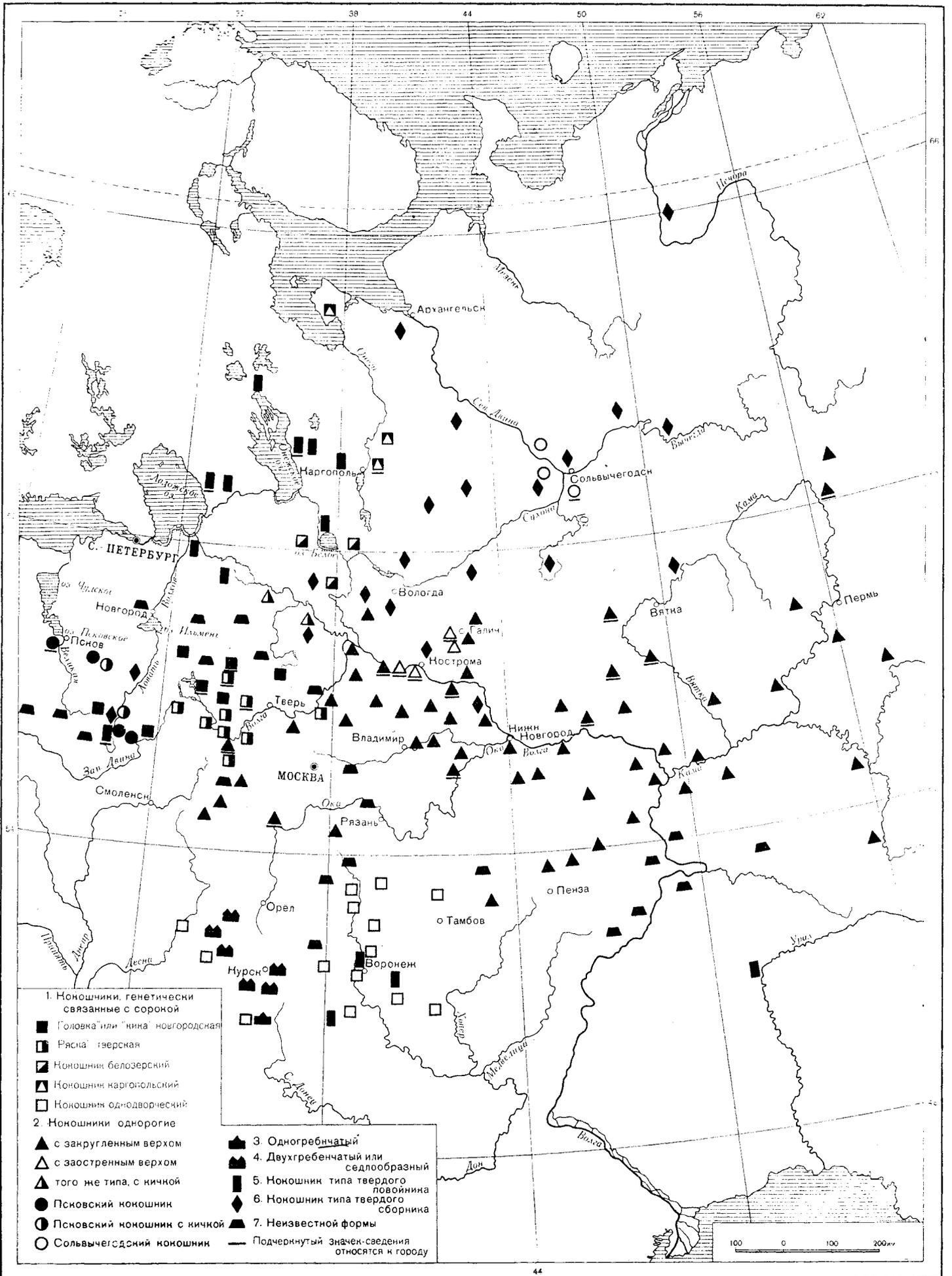
Рис. 3. Женские головные уборы: 1 — полотенчатый (Орловская губ.); 2 — кичкообразные: а — рогатая кичка, б — сорока (Нижнедевичий уезд Воронежской губ.), в — сорока, г — лопатообразная кичка, д — позатыльник (Курская губ.)

всего распространены на северо- и юго-востоке, там, где русское население формировалось позднее, чем в центральных областях, и в особых исторических условиях. Слабо распространены кичкообразные уборы и на северо-западе, где, повидимому, очень рано развились кокошники, в отношении которых отчетливо прослеживается генетическая связь с сорокой. Один из распространенных видов кички — «рога». Рогатые кички характерны главным образом для населения бассейна Оки и более южных областей, где преобладала понева (Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская и другие губернии). Кички других вариантов — копытообразные,

⁵ В настоящей работе мы не касаемся девичьих головных уборов, а также более поздних видов женских уборов (повойник, сборник), которые в XIX в. приходят на смену более сложным старинным головным уборам.



Карта 2. Распространение типов женских головных уборов (середина — вторая половина XIX в.)



Карта 5. Распространение типов коожников (середина — вторая половина XIX в.)

лопатообразные — население иногда также называло «рогатыми». Нередко они являлись заменой рогатой кички (села Бояновичи и Пиневицы б. Жиздринского уезда Калужской губернии и др.), но в некоторых районах они были единственно известными вариантами.

Наиболее значительная область распространения копытообразной кички, известной под названием «копыто», «сдериха», — Олонецкая, Архангельская и частично Вологодская губернии, где «рогатость» в уборах выражена очень слабо.

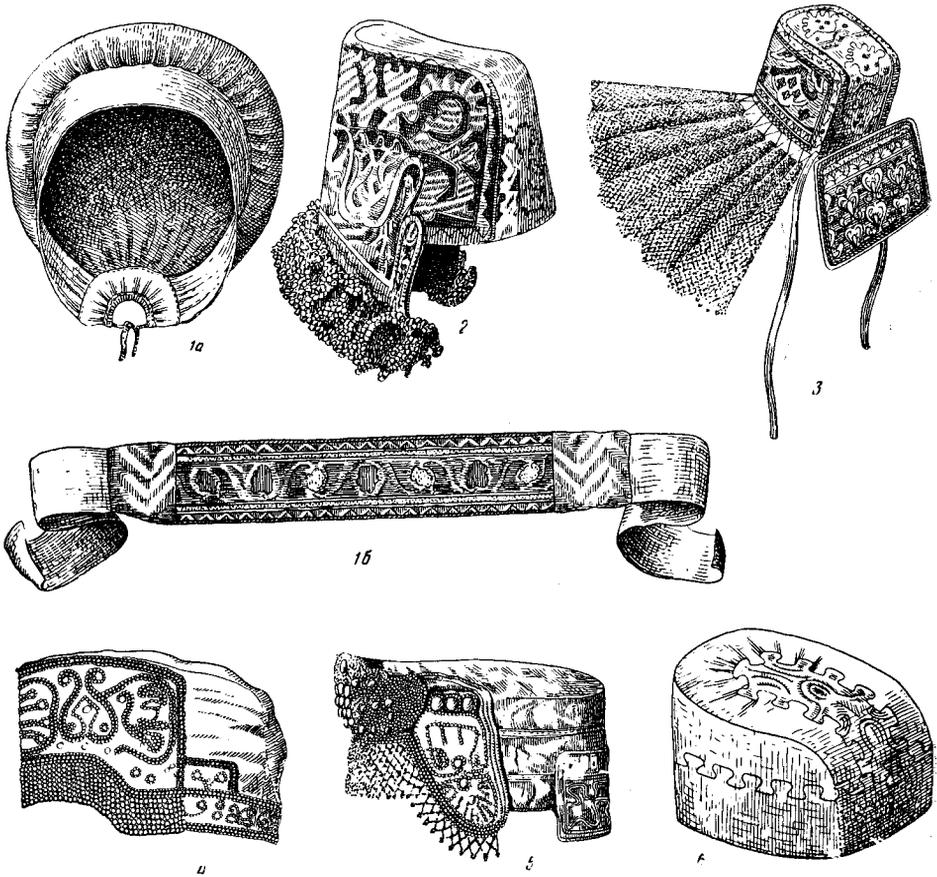


Рис. 4. Женские головные уборы: 1, а, б — самшуря с лентой (Молотовский областной краеведческий музей); 2 — новгородский кокошник, или кика; 3 — ряска (Ржевский уезд Тверской губ.); 4 — кокошник (Белозерский уезд Новгородской губ.); 5 — каргопольский кокошник; 6 — однодворческий кокошник (Рязанская губ.)

Кички были крестьянским головным убором, в городах они даже в середине XIX в. встречались крайне редко. В противоположность кичкам кокошники носили в городах (мешанки, купчихи и др.); в деревнях же они служили лишь праздничным головным убором (Вологодская, Олонецкая губернии), а местами — только свадебным. Шили кокошники особые мастерицы в городах, крупных селах и монастырях; их продавали на ярмарках. Сороку же умела шить каждая крестьянка.

Кокошник — цельный, твердый, богато украшенный головной убор — первоначально, повидимому, был связан в основном с городом, но развился он на основе местных кичкообразных головных уборов. Среди музейных коллекций мы находим кичкообразные прототипы многих видов кокошников; в других видах их явно прослеживается генетическая связь с кичкой-сорокой. Можно выделить четыре района распространения кокошников (см. карту 3).

1) Северо-западный, где был распространен кокошник, связанный по происхождению с сорокой; известно несколько его вариантов (см. рис. 4, 2—5): новгородская «кика», такого же типа тверская «головка», отмеченная в Осташевском уезде, кокошник Белозерского и Кирилловского уездов Новгородской губернии, тверская «ряска», или «кокошник», а также своеобразный каргопольский кокошник. Здесь же распространились, но,

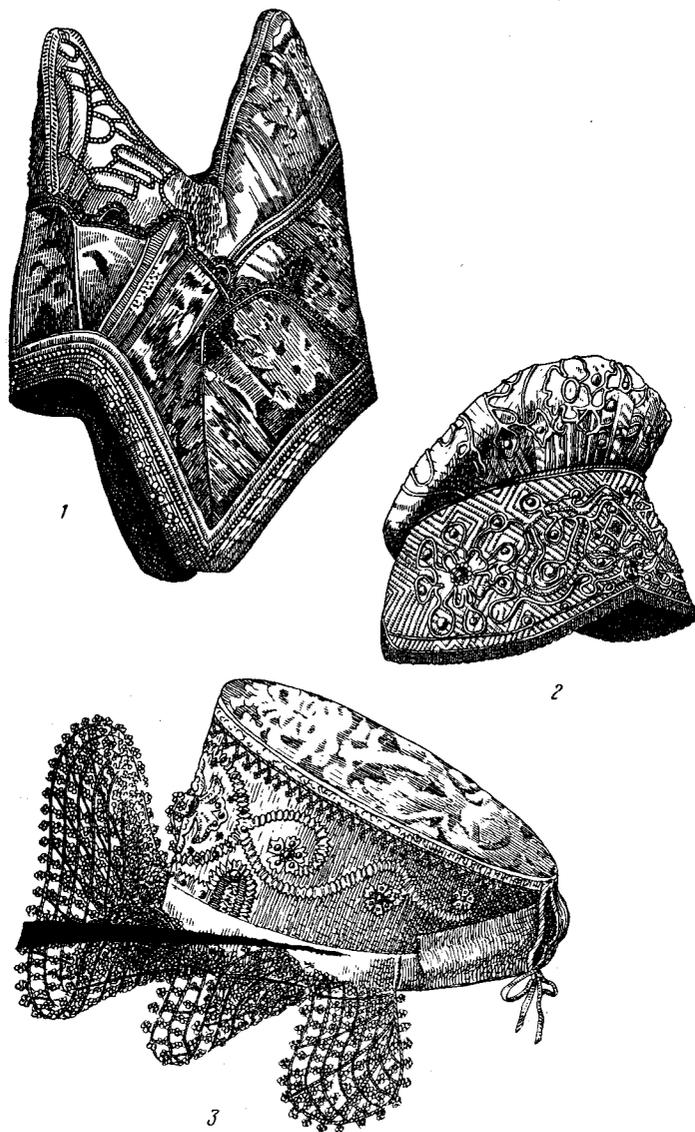


Рис. 5. Женские головные уборы: 1 — седлообразный кокошник (Курская губ.); 2 — кокошник типа сборника (Архангельская губ.); 3 — кокошник типа повойника (Олонецкая губ).

по-видимому, позднее, кокошники в виде твердого повойника с «рясами» — поднизью из жемчуга (рис. 5, 3) и типа сборника — «моршень» (рис. 5, 2). Территория бытования этих кокошников в основном совпадает с древней Новгородской землей и областями сильного новгородского влияния. В Псковщине основным был кокошник с «шишками» (рис. 6, 3), примыкающий к типу однорогих головных уборов, но в ряде мест Псковщины, а также в Тверской край проникли и новгородские головные уборы.

2) Центральный район, где бытовал кокошник, по типу относящийся к группе однорогих головных уборов (см. карту 3 и рис. 6). Этот район охватывает Владимирскую, Костромскую, Нижегородскую, Ярославскую, Московскую губернии, а также некоторые примыкающие области (Среднее Поволжье, Приуралье, Вятскую и часть Вологодскую губернии).

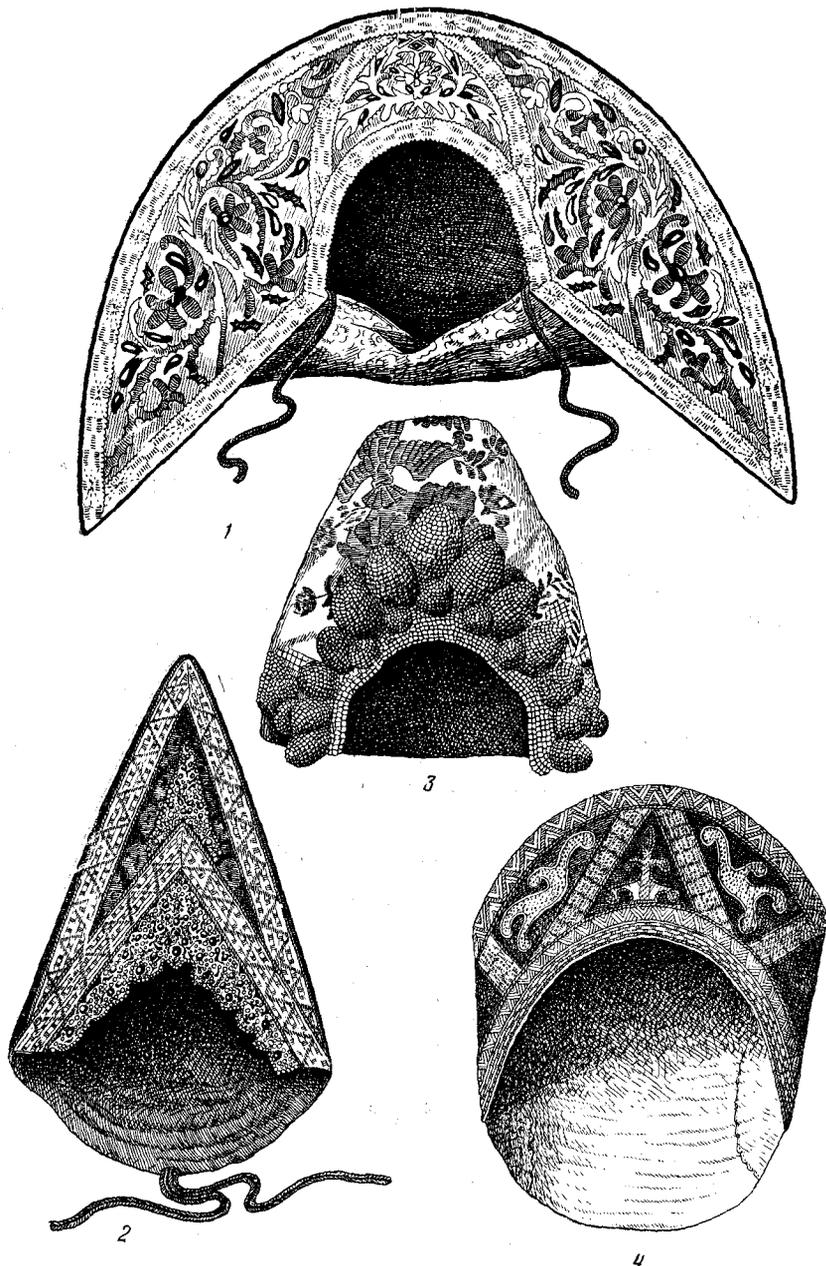


Рис. 6. Кокошники: 1 — из г. Муром; 2 — из Костромской губ.; 3 — из Псковской губ.; 4 — из Сольвычегодского уезда Вологодской губ.

Данная территория представляет собой земли древней Владимиро-Суздальской Руси и область преобладания владими́ро-суздальской, а позднее московской, колонизации. Хотя в самой Москве кокошник такого типа в XIX в. не сохранился, но, несомненно, ранее он был здесь известен, так

как бытование его отмечено в городах вокруг Москвы (см. карту 3), в том числе в некоторых более южных.

3) Юго-западный район, с центром в Курской губернии, где носили своеобразный двухгребенчатый или седлообразный кокошник (рис. 5, 1), встречавшийся также в западной части Орловской губернии и в Богодуховском уезде Харьковской, где живут переселенцы из Курской губернии. Местное происхождение этого убора не подлежит сомнению. Об этом свидетельствует древнее название «шеломок», наличие в этих же районах составного головного убора того же типа, сходство с украинским седлообразным «очіпком» и пр.

4) Южный район (особенно Рязанская, Тамбовская, Воронежская губернии, а частично и более западные области), характеризующийся наличием кокошника, названного нами «однодворческим» (рис. 4, 6), так как он встречался главным образом у населения, связанного с военно-служилой колонизацией XVI—XVII вв., в частности у групп, впоследствии именовавшихся «однодворцами». Этот тип кокошника, по существу, очень близок к новгородской кике (и тверской «головке»), которая отличается наличием «ушей» — лопастей, спускающихся по бокам, и жемчужной поднизи. Такая близость не случайна, так как на юг этот кокошник был принесен выходцами из других, более северных областей, а потом распространился несколько шире. Таким образом, оба типа кокошников у южных великорусов большей частью были связаны с определенными группами населения, среди которых был довольно значительно распространен и сарафан.

Любопытно, что районы бытования различных разновидностей кокошников в значительной мере совпадают с древним феодальным делением. Псков, Новгород, Тверь, Владимир, Суздаль, Кострома, Галич, Белозерск — в разное время были центрами феодальных княжеств. Некоторые крупные древние торговые города севера (как Каргополь и Сольвычегодск) также имели свои варианты головных уборов. Распространение седлообразного кокошника совпадает с территорией бывшего Новгород-Северского княжества (Курск, Трубчевск, Путивль, Рыльск).

Если кичка с сорокой и кокошник были широко распространены, то некоторые другие типы головных уборов бытовали на ограниченной территории. Для северо-востока (Пермская и Вятская губернии) характерна «самшура» — шапочка с твердым дном (рис. 4, 1). Некоторые ее варианты очень близки к головным уборам коми. Западнее (Вологодская, север Нижегородской губернии — см. карту 2) был распространен другой тип самшуры — составной кичкообразный головной убор⁶.

На юго-востоке страны встречался в качестве женского головного убора вязаный колпак (см. карту 2). Его бытование у донских казаков, по видимому, объясняется связями с соседними, в частности тюркоязычными, народами, представители которых входили в состав казачества⁷.

* * *

При картографировании различных элементов одежды четко выделяются три этнографические области: 1) днепровская, население которой по культуре очень близко к украинцам и белорусам; 2) окская, у населения которой при сохранении древней общей восточно-славянской основы имеется и значительная специфика; 3) ильменская, или новгородская, у населения которой общность с другими восточными славянами, главным образом с белорусами, прослеживается в наиболее древних элементах

⁶ Классификация самшур (собственно самшура и самшура-кичка) дана С. П. Толстовым в его работе «Материальная культура населения Велужско-Керженского края» (рукопись, архив автора).

⁷ Кроме колпака, казачкам были известны кокошники и высокие двурогие кички с сорокой, до последнего времени сохранявшиеся у некрасовцев.

одежды, но где уже в ранний исторический период развиваются свои особенности в одежде, как и в других сторонах материальной, а также духовной культуры.

Методом картографирования удалось выявить сложение общевеликорусской национальной одежды на широкой территории, с центром в северо-восточной Руси, а также особенности одежды населения юго-восточной и северо-восточной окраин (см. карту 1). Специфика в одежде многих из этих групп определяется историко-культурными связями русских с другими народами и отчасти — наличием иноязычных компонентов в их составе.

В первую очередь возникает вопрос о взаимоотношениях славян с так называемыми «чудскими» племенами. Под этим термином мы объединяем финноязычное население лесной полосы Восточной Европы, частично ассимилировавшееся со славянами в XI в., а может быть, и раньше. Этнографические материалы XIX и первой четверти XX в. позволяют отметить общие черты в одежде русских и народов Поволжья. Вряд ли всегда можно рассматривать эту общность только как влияние одного народа на другой, хотя, конечно, это влияние отрицать нельзя.

Туникообразная одежда, лопатообразные и однорогие головные уборы — общи у русских и у «чудских» народов; однако возможно, что выработка их шла одновременно у тех и других. «Рогатость» головных уборов — древняя черта. В известной степени она присуща головным уборам белорусов и украинцев, но у них она очень слабо выражена; в большинстве случаев дело ограничивалось подкладыванием пучков льна под головное полотенце. Развитие кичкообразных головных уборов, по нашему мнению, следует относить не к общеславянской древности, а к более позднему времени, когда происходило наиболее тесное общение славян с восточными финнами.

Отметим и другие общие черты в головных уборах и их украшениях: ношение пушковых, которые, кроме южных великорусов, были известны у мордвы, горных мари и чувашей; украшение шелковой бахромой, применяемое и удмуртами; прикрепление селезневых кудрей, известное и у мордвы. И славянским, и «чудским» народам известны украшения из раковин-ужовок и бисера. Раковины-ужовки, находимые в финских могильниках, употреблялись как украшение в конце XIX в. и русскими на территории обрусевшей воды, а также русской мешерой. Среди славянских древностей раковины-ужовки не известны, поэтому их следует отнести к «чудскому» источнику. Украшения из бисера были распространены в южных и отчасти в средневеликорусских губерниях и в Поволжье. Западная граница их распространения проходила по р. Десне. Бисер находят в древних восточнославянских курганах и финских могильниках. По-видимому, он был привозным и являлся предметом торговли. Территория распространения находок куфических монет и бисера в основном совпадает (Ока, верховья Волги, Двины и Днепра); но известны следы и местного изготовления бисера (находки в раскопках нижних слоев Старой Ладogi)⁸. Исследователи предполагают, что болгары были искусны в изготовлении бус, а возможно, и бисера. В XIX в. бисер наиболее широко применяли в украшениях, кроме южных великорусов, волжские финны и чуваша, а также южные болгары, предки которых были связаны с народами Поволжья. Все это заставляет относить возникновение общности отдельных черт их культуры еще к древности — к VII—XIII вв.

Определенные явления, распространенные на широкой территории, безусловно свидетельствуют об ассимиляции русскими «чудского» населения. Так, например, распространение особого типа плетеной обуви, так называемого «мордовского» лаптя, выявляет границы «чудских» элемен-

⁸ Ф. Д. Гуревич, Древнейшие бусы Старой Ладogi, «Советская археология», XIV, М.—Л., 1950, стр. 184—186.

тов в пределах современной Рязанской области в дославянское время. Этой границей являлись реки Пра и Ранова; к востоку от них располагалась сплошная территория обитания мещеры.

Некоторые элементы одежды дают возможность выявить специфику ее у отдельных «чуждских» групп. Своеобразный пояс с бахромой, напоминающий «пулагай», у русских (с. Мелихово Касимовского уезда Рязанской губ. и с. Ушинка Керенского уезда Пензенской губ.) может указывать на известную общность в одежде мещеры и мордвы-эрзи. Вышивки из восточной части южновеликорусских губерний (Рязанской, Тамбовской) очень близки к вышивкам мордвы-мокши, чувашей и удмуртов. Так называемый «эрзянский шов», встречающийся в вышивках мордвы, отмечен у русских Спасского и Михайловского уездов Рязанской губернии, что отчасти подтверждает мнение, высказанное А. Л. Монгайтом, о местопребывании эрзи в прошлом в среднем течении Оки⁹.

Как можно судить по данным одежды, прослеживаются два пути расселения русских в среднем течении Оки — с запада, с ее верховьев, и с севера. Одежда населения среднего и верхнего течения Оки очень близка. Наблюдаются черты общности и в одежде населения северо-запада (Смоленщины, Псковщины) и севера Рязанской губернии. В одежде населения южной части Рязанской губернии и бассейна Дона проявляется общность, выражающаяся в распространении крайне архаичных элементов — красной клетчатой поневы, черной шерстяной плащевидной одежды «кодман», «сукман».

Мы остановились в данной работе лишь на одном вопросе финно-русских связей. Отметим, что у других групп населения, например на верхней Волге, процессы ассимиляции прослеживаются в еще более ранний период, и данные по одежде и орнаменту в известной мере помогают их осветить. Выявляются общие черты при изучении одежды населения западных русских областей и народов Прибалтики. Некоторые из них (типы плетеной обуви, черные шерстяные оборы и др.) следует отнести к глубокой древности, рассматривая их частично как результат ассимиляции литовских групп. Другие (например, полосатая юбка, «андарак»), а также некоторые термины («саян»), несомненно, более позднего происхождения и связаны с перемещениями населения из-за литовского рубежа и польско-литовским культурным влиянием в XVI—XVII вв.

Узорные вязаные изделия, столь характерные для народов Прибалтики и финноязычных народов европейского севера, встречаются на западе Псковщины, в Новгородчине, Поморье. Самый характер геометрического орнамента, более распространенного у финноязычных народов, чем у славян, и техника вязанья при помощи костяной иглы позволяют относить происхождение подобных изделий к глубокой древности и расценивать их как местный элемент, вошедший в культуру Новгородской Руси.

Особенности одежды населения северо-востока во многих случаях объясняются взаимосвязями с соседним населением. В общерусский комплекс одежды входят некоторые детали, общие с одеждой соседних коми, удмуртов, мари, что отразилось и в терминологии. Общими у них являются и некоторые виды головных уборов и обуви.

На формировании материальной культуры населения восточных и особенно юго-восточных областей сказались историко-культурные связи с тюрко-монголо-ираноязычными народами Восточной Европы и Средней Азии, а также Кавказа. Некоторые «восточные черты» проникли к славянам еще в домонгольский период, но особенно заметно они стали распространяться с XIV в., что подтверждается и многими историческими данными. В частности, они нашли отражение во многих видах верхней одежды

⁹ А. Л. Монгайт, Из истории населения бассейна среднего течения Оки в I тысячелетии н. э., «Советская археология», XVIII, М., 1953, стр. 184—185.

и ее терминологии, в типах мужских головных уборов, обуви. Наиболее отчетливо «восточные черты» проявляются в материальной культуре населения юго-восточных областей, т. е. казачества, у которого сложился своеобразный бытовой уклад. На картах распространения типов одежды юго-восточная область выделяется многими чертами. Из верхней одежды здесь были распространены «бешмет» и длинная халатообразная одежда «чекмень», «чапан». Эти термины прослеживаются у ряда соседних народов: «бешмет» — у татар и народов Кавказа, «чепкен» — у киргизов, «сипкен» — у хакасов, «чекмень» — у алтайцев, «сякман» — у башкир, «чопан» — у киргизов, «шапан» — у казахов и т. д.¹⁰

Мужской костюм по сравнению с женским у русских более единообразен. Процесс выработки в нем общих черт происходил гораздо быстрее, чем в женской одежде. В наиболее характерный комплекс мужского костюма, еще бытовавший в середине — второй половине XIX в., входили рубаха-косоворотка с разрезом на левой стороне груди и неширокие штаны (порты), а также определенные виды головных уборов и верхней одежды. Рубаху носили навыпуск. Из этнографических и исторических данных следует, что комплекс этот, уходя своими корнями в глубокое прошлое, приобрел специфические черты в тот период, когда в женском костюме стал преобладающим комплекс с сарафаном.

Рубаху с разрезом ворота посередине, которая, по всем данным, предшествовала косоворотке, в XIX в. носили в немногих местах, главным образом на периферии обитания великорусов. В бассейне Камы — Вятки и кое-где в Поволжье отмечена рубаха-косоворотка с разрезом на правой стороне груди, что сближает ее с рубахами коми и марийцев.

На юго-западе бытовал комплекс мужской одежды, близкий к бело-руско-украинскому: рубаха с поликами и неширокие штаны особого покроя. В юго-восточной области был распространен другой комплекс: рубаха с прямым разрезом ворота, заправленная в широкие шаровары. Эти особенности одежды являются общими с одеждой, бытовавшей у украинцев и тюркоязычных соседей казаков, и, по-видимому, объясняются вхождением в состав казачества как украинских, так и других, неславянских компонентов. Во всяком случае для русских этот комплекс — сравнительно позднее явление, связанное с формированием казачества на Дону, Урале, Северном Кавказе. Для распространения такого типа одежды, а также своеобразных видов головных уборов и специфических видов верхней одежды большое значение, по-видимому, имели условия военного быта.

Не ставя в данной работе задачу полно осветить вопрос об этнических связях, как они выявляются по материалам одежды, мы хотели дать лишь некоторые обобщения и выводы, вытекающие из анализа карт, и показать, основное направление наших исследований.

¹⁰ Сведения о казаках и киргизах любезно сообщены нам Е. И. Маховой.